

DOI 10.25991/VRHGA.2019.20.3.056

УДК 26.009

*К. Е. Нетужилов**

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается история изменений в оценке личности Петра I и его конфессиональной политики в отечественной церковной историографии и публицистике XVIII — начала XX вв.

Ключевые слова: Петр I, церковь, история, церковная реформа, Синод, историография.

K. E. Netuzhilov

*ASSESSMENT OF THE PERSONALITY OF PETER THE GREAT
AND THE TRANSFORMATIONS OF THE PETER'S ERA
IN THE CHURCH HISTORIOGRAPHY OF THE SYNODAL PERIOD*

This article discusses the history of changes in the assessment of the personality of Peter I and his confessional policy in the Russian church historiography and journalism of the XVIII — early XX centuries

Keywords: Peter I, church, history, church reform, Synod, historiography.

Петр I относится к числу наиболее значимых фигур в истории России. Его личность и многообразная деятельность неоднократно становились объектами изучения специалистами в области различных аспектов отечественной истории. Церковно-историческая наука также не оставалась в стороне и смогла внести свой вклад в изучение и осмысление петровских преобразований.

Основное внимание церковной историографии вполне логично сосредоточено на сюжетах, связанных с конфессиональной политикой Петра I, в центре

* Нетужилов Константин Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; konstnet@mail.ru

которой находится церковная реформа 1721 г. Вокруг вопроса о том, какое влияние она оказала на жизнь Русской Православной Церкви, а также в целом на всю историю России, сосредоточено подавляющее большинство как научных исследований, так и публицистических мнений. В предельно упрощенном виде оценочные суждения можно свести к тому, что одни церковные деятели и исследователи отмечали положительную сторону церковной реформы Петра I, полагая, что она являлась движением в сторону подлинной соборности. С точки зрения их оппонентов реформа имела исключительно разрушительный для российского православия характер и была направлена на подчинение Церкви государству в России, при этом за основу брались образцы протестантских государств.

В результате сложилась прослеживаемая эволюция отношения церковной историографии к личности Петра I и к его церковной политике. Здесь рассмотрены обобщающие монографические труды представителей разных направлений церковно-общественной мысли, в которых содержатся обоснования развернутых научных концепций петровских реформ, а также многочисленные научные и популярные статьи, посвященные анализу отдельных аспектов конфессиональной политики Петра I.

Первоначальное восприятие петровских преобразований в церковной среде носило резко отрицательный характер. Решительная секуляризация всех без исключения государственных и социальной практик, регулярно сопровождаемая подчеркнутой антиклерикальной пропагандой, принимающей порой гротескный характер, вызвала естественное отторжение среди духовенства. Степень этого отторжения можно косвенно оценить по материалам дел Преображенского приказа, выполнявшего в петровское царствование роль тайной политической полиции. По подсчетам Н. Б. Голиковой, исследовавшей весь массив материалов фонда Преображенского приказа, до одной трети хранящихся в нем дел было так или иначе связано с «непристойными речами» духовенства. Под «непристойными речами» понимались отдельные выступления против Петра I и проводимой им политики, открытое выражение сомнений в его «истинности», утверждение о том, что он является антихристом, порицание его повседневного поведения, не соответствующего царскому сану, жалобы на введение иностранных обычаев, разговоры о пренебрежении царя к православию и т. п. Данные проявления нелояльности, несмотря на достаточную их массовость, носили частный характер и не принимали каких-либо организованных форм. Такое же неприятие петровских преобразований просматривается в делах, связанных с громкими политическими процессами, в ходе которых привлекались представители епископата (дело Г. Талицкого, дело царицы Евдокии, дела митрополита Игнатия (Смолы), епископа Досифея (Глебова), митрополита Иоасафа (Краковского) и др). При этом, как явствует из большинства дел, негативные оценки личности и поступков Петра I не носили публичного характера, ограничиваясь рамками частных суждений («комнатных разговоров»). Имели место и попытки антипетровской пропагандистской публицистики — в виде обличительных «листочков» и «тетрадок», создававшихся в монастырской среде (именно это обстоятельство повлекло за собой указ 1701 г., строго запрещающий монахам держать в кельях бумагу, чернила и писать что-либо «без повеления начального»).

При этом следует иметь в виду, что антипетровские настроения духovenства являлись квинтэссенцией общего народного мнения, основанного еще на принципах старомосковского консерватизма. Поколение ревнителей московской старины и «древлецерковного благочестия» сошли с исторической сцены к концу 1730-х гг. Но шлейф такого восприятия конфессиональной политики Петра I протянулся в будущем на два столетия всего синодального периода истории русской православной церкви. А. В. Карташёв совершенно точно подметил, что «от каждого поколения выдающихся иерархов сохранились воспоминания об их воздыханиях в томительных ожиданиях освобождения от уз синодальной конституции». Таким образом было заложено основание антипетровского мифа, которому со стороны идеологов реформированного государства почти сразу был противопоставлен свой миф — апологетический миф о царе-труженике и просветителе. Одним из главных инструментов для создания официальной апологетической традиции стала высшая церковная иерархия, призванная найти необходимые слова для одобрения происходящей в стране перестройки. Оптимальной формой такой пропаганды могла быть в это время только проповедь. Проповедничество (не в собственно церковном, а в прикладном пропагандистском варианте) чрезвычайно поощрялось самим Петром I, который стремился не только юридически оформить важнейшие преобразования, но и добиться их оправдания, объяснить их объективную необходимость. Так появился специфический жанр т. н. торжественных Слов, прославляющих успехи и оправдывающих действия Петра.

Начало публичной церковной рефлексии петровского царствования было положено панегирической проповедью иеромонаха Гавриила (Бужинского) «В похвалу Санкт-Петербурга и его основателя, государя императора Петра Великого» и продолжено епископом Феофаном (Прокоповичем) в его многочисленных устных и печатных выступлениях («Слово о пользе путешествий», «Похвальное слово о флоте российском», «Слово о власти и чести царской» и т. п.), а также в наиболее репрезентативном «Слове на погребение Петра Великого». В образе Петра Феофан Прокопович воплотил черты идеального монарха, при котором только и возможно благоденствие государства. Идеализация Петра Великого здесь максимальная, граничащая с культом. Глубокий исследователь творчества епископа Феофана И. А. Чистович, анализируя содержание его проповедей, отмечал: «Говоря о духе их, надо признаться с сожалением, что Феофан применялся к произволу монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истину царегуодливости».

Еще одним ярким примером церковного официоза этого времени являются проповеди митрополита Стефана (Яворского), написанные в 1701–1711 гг. Петр I в оценке митрополита Стефана являет собой «священный камень» в основании нового российского государства. Его главным деянием — созданию регулярной армии, флота и основанию новой столицы — посвящены отдельные проповеди, трактующие жизнь царя как подвижничество.

Таким образом, уже при жизни Петра I были четко очерчены рамки официального оценочного отношения к деятельности великого реформатора, за пределы которых церковные авторы XVIII — первой половины XIX вв. старались не переступать. Не имея возможности публично высказать неодо-

брительное суждение о конфессиональной политике Петра I, они обходили ее при помощи фигуры умолчания. Характерной в этом отношении представляется позиция московского митрополита Платона (Левшина), изложенная им в «Краткой Российской церковной истории» (1805). Говоря о причинах отмены патриаршества, митрополит Платон ограничился скупой констатацией: «Какие были причины упразднения патриаршества, оные объяснены в Духовном регламенте, в испытание коих входить не должно». (По мнению И. К. Смолича, митрополит Платон в данном случае смог обозначить свое отрицательное отношение к петровской реформе.)

В результате вплоть до середины XIX в. в церковно-исторической литературе господствовало апологетическое понимание преобразований в церковной жизни, что полностью соответствовало политике правительства, заинтересованного в сохранении петровской модели взаимодействия церкви и государства. Именно этому должно было способствовать представление о Петре I как об идеальном государе. С таких позиций были написаны труды известного духовного писателя, занимавшего пост обер-секретаря Св. Синода, А. Н. Муравьева, утверждавшего, что учрежденный Петром Синод подобен прежним церковным Соборам. Об этой же, болезненной с точки зрения канонического права, проблеме высказывался в том же духе и епископ Черниговский Филарет (Гумилевский), считающийся по праву основоположником церковно-исторической науки в России. Даже предельно осторожные высказывания о петровской реформе вызвали тогда серьезные сомнения в возможности публикации — труд епископа Филарета почти десять лет пролежал в цензуре Св. Синода и был издан уже в царствование Александра II, в 1859 г. История синодального периода в изложении епископа Филарета казалась в то время слишком откровенной. Синод в своем письме сделал замечания на пятый том «Истории», где находил неудобным «обличать высшее духовное правительство, хотя и прежнего времени, в протестантстве».

Важно понимать, что в первой половине XIX в. истории церкви как научной и учебной дисциплины в России еще просто не существовало. Устав духовных академий 1814 г. хоть и вводил ее в круг изучаемых предметов, но придавал ей второстепенный характер по сравнению с гражданской историей. Церковная история стала складываться как самостоятельная академическая дисциплина лишь с 1851 г. В результате церковно-историческая школа долгое время не формировалась в рамках соответствующих кафедр духовных учебных заведений, а исследования осуществлялись лишь благодаря деятельности отдельных ученых. Кроме того, цензурные ограничения дореформенной России принципиально исключали возможность публикаций, тематика которых предполагала малейшее проявление критического подхода к деятельности императора и церкви. Специальная инструкция Комиссии духовных училищ в 1809 г. требовала не допускать в изложении истории «усиленного критицизма, который оружием односторонней логики покушается разрушить исторические памятники; произвольного систематизма, который воображает народ и его историю невольным развитием какой-нибудь роковой для него идеи, и неосмотрительного политического направления», а «обращать особое внимание в истории на черты нравственные, на следы Провидения Божия в происше-

ствиях общественных и приключениях частных, на связь и последовательность в судьбах народов нравственного улучшения и благоденствия или, напротив, нравственного повреждения и упадка благосостояния». Остается упомянуть и о недоступности многих (если не большинства) важнейших источников ввиду того, что синодальный и епархиальные архивы чаще всего были закрыты для исследователей, а это почти не оставляло шансов на появление серьезных научных работ. Последнее обстоятельство играло губительную для науки роль даже в периоды ослабления цензурного давления — как происходило, например, в 1860–1870 гг. и в начале XX в., когда появлялось обычно очень много публицистики, но серьезных исторических исследований было не так много.

Необходимо иметь в виду, что в интеллектуальной среде уже в начале XIX в. была сформулирована отношение к конфессиональной политике Петра I, противоположное официально-панегирической ее оценке. Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» прямо указывал:

Петр объявил себя главою Церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного. Но заметим, что наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской: служило ей полезным оружием в делах государственных и совестью в ее случайных отклонениях от добродетели... Со времен Петровых упало духовенство в России. ... Церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный; усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для отечества, и где Пастырь душ может обещать в награду один венец мученический. Власть духовная должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею.

«Записка о древней и новой России» несколько раз фрагментарно публиковалась в течение XIX в. (полный текст — только в 1914 г.), но вся критика петровской конфессиональной политики при публикациях была исключена. При этом по рукам ходили многочисленные списки разного качества. Поэтому оценка Карамзиным «темной» стороны Петра Первого абсолютной тайной уже не была. Судя по всему с текстом «Записки» был хорошо знаком московский митрополит Филарет (Дроздов), достаточно критично оценивавший современную ему систему церковного управления. «Конечно, не для возвышения духовенства пожелал он (Петр I) отменить патриаршее достоинство, и в пародию над духовенством и над церковными обрядами, учредил так называемый всешутейший собор». В другом случае он замечает:

Хорошо было бы не уничтожить патриарха и не колебать иерархии, но восстановить патриарха было бы не очень удобно; едва ли был он полезнее Синода. Если светская власть начала тяготеть над духовной: почему один патриарх твердо вынес бы сию тягость нежели Синод? И при вселенском патриархе нужным оказался Синод; и в России есть Синод. Очень ли велика разность в том, что в России первенствующий член Св. Синода не называется патриархом?

Начало научного изучения церковной истории в значительной степени было инициировано попытками реформировать ведомство православного вероисповедания, предпринятыми правительством в общем контексте пре-

образований в период правления императора Александра II. Подъем реформаторских настроений, охвативший образованные слои населения, не обошел стороной как духовенство, так и радеющую о православии воцерковленную часть интеллигенции. Открытое обсуждение возможных изменений церковной жизни повлекло за собой необходимость точного знания дискутируемых вопросов. Целый ряд исследований был спровоцирован именно журнальной полемикой 1860–1870-х гг. о роли церкви в общественной жизни страны. Кроме того, в 1860-е гг. при Святейшем Синоде была создана комиссия по обработке и публикации документов из его архива. Первая серия, изданная в десяти томах, называлась «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания» и охватывала время с 1721 по 1741 гг. Это издание впоследствии существенно расширило возможности историков. Так, уже в монографии профессора Казанской духовной академии П. В. Знаменского изложена история приходского духовенства в Синодальный период, проанализированы причины, повлекшие постепенное удаление духовенства от мирских дел, превращение его в замкнутое сословие. П. В. Знаменский подготовил первый общий обзор церковной истории в Синодальный период, созданный в форме учебного пособия для духовных семинарий. Кроме того, Знаменский все-таки «не смог отказаться от умолчаний о путях и об общем духе петровских церковных преобразований, а также о существовании нового синодального строя Российской Церкви». Именно в это время обозначился отход церковно-исторической науки от исключительно апологетического взгляда на деятельность Петра I. Но несмотря на появление даже ряда критических работ, в целом отношение к петровским преобразованиям оставалось нейтральным. Петровские реформы рассматривались как историческое явление, имевшее противоречивые последствия.

Сохранились замечательные характеристики отношения к Петру I в среде православного епископата 1860–1870-х гг., принадлежащие перу епископа Никодима (Казанцева). В своих мемуарах, увидевших свет в 1910 г., он зафиксировал обобщенное мнение по этому поводу:

Российский синод изобретен... властью мирской и потому не имеет достоинства правильного церковного собора. Государь Петр Великий создал русский Синод по своим мыслям, хотению, без совета с властью духовной.

В 80–90-е гг. XIX в. происходит значительное усиление критического отношения к личности Петра I и церковной реформе, высказанное в работах ряда церковных историков и публицистов. Это стало следствием сформировавшегося к тому времени понимания неоднозначности и противоречивости преобразований. Впервые были высказаны мнения о том, что синодальная система была навязана церкви государством, что подчиненность церкви государству отрицательно воздействует на русское общество. Достаточно аргументированно выражались сомнения в канонической безупречности церковных преобразований. В трудах известного канониста профессора Т. В. Барсова неоднократно обосновывался тезис, согласно которому «реформа Петра Великого развивала свои предначертания не по идеалу древней вселенской Церкви и мало соотносилась с особенностями основного церковного строя. Планы этой реформы

были другие, как показали последствия ее осуществления». Т. В. Барсов резко отрицательно оценивал результаты петровской реформы, полагая контроль со стороны государства губительным для всех сторон церковной жизни.

Еще одна негативная оценка церковным преобразованием Петра I была дана в статье священника В. В. Белогостицкого. Автор обозначил стремление государства господствовать над церковью как несвойственную православию форму, которая, по его мнению, все же не отразилась на сущности православия.

Достаточно многочисленные критические характеристики петровской реформы в церковной периодической печати 1880–1890-х гг. могли быть связаны с надеждами на восстановление патриаршества, возродившимися среди некоторой части высшей иерархии. С одной стороны, эти надежды подпитывались усилением консервативного начала в царствование императора Александра III, с другой — были связаны со своеобразной оппозицией епископата внутрицерковной политике К. П. Победоносцева.

«Антипетровские» выступления в церковной печати стали отражением публицистической подготовки широкого обсуждения возможных преобразований в церкви. Критика различных сторон церковного управления, церковного образования, взаимодействия с верующими и т. п. помещалась на страницах церковно-общественных и академических журналов. За пределы узкого круга академической профессуры и столичного духовенства эта проблематика вырвалась в результате публикации в 1898 г. сборника статей о церковном управлении в России протоиерея А. М. Иванцова-Платонова. Священник Александр Михайлович Иванцов-Платонов (1835–1894), один из основателей и постоянный сотрудник журнала «Православное обозрение», в 1880–1890 гг. был профессором Московского университета. Еще в 1880-е гг. для славянофильской газеты «Русь», которую издавал И. С. Аксаков, им были написаны два десятка статей, посвященных актуальным вопросам внутрицерковной жизни. Их переиздание в виде отдельного сборника в 1898 г. повлекло за собой значительно больший общественный резонанс, нежели в начале предыдущего царствования. По-существу, статьи сборника в предельно концентрированном виде содержали небывалую до сих пор жесткую критику синодального порядка. А. М. Иванцов-Платонов коснулся всех важных тем: восстановления прихода как церковно-общественной единицы, восстановления практики избрания епископата духовенством и мирянами, прекращения частого и бессмысленного перемещения епископов по различным епархиям, ограничения власти консисторий, установления подлинной соборности на всех уровнях церковного управления, ограничения всевластия обер-прокурора и, наконец, предоставления церкви самоуправления в ее внутренних делах путем избрания патриарха. Критика конфессиональной политики Петра I стала естественным продолжением дискуссии о современном положении церкви. Общим местом для «антипетровских» выступлений сторонников восстановления патриаршества являлось утверждение, что весь комплекс реформ противоречил канонам и недопустимо любое вмешательство государства в дела церкви. В свою очередь авторы «пропетровских» сочинений доказывали, что в церковных канонах нет прямых указаний на то, что во главе церкви обязательно должен находиться патриарх.

В числе оппонентов противников петровской реформы выступил выдающийся церковный историк Е. Е. Голубинский. В статье «Желательно ли упразднение Св. Синода и восстановление патриаршества?», написанной во второй половине 1905 г., он дает четкий отрицательный ответ на поставленный им самим вопрос. Резким полемическим противником осуждения петровской реформы Е. Е. Голубинский выступил и в «Замечаниях на статью Тихомирова “Каноническое достоинство реформы Петра Великого”»:

Возражая против государственных побуждений к произведению церковной реформы, г. Тихомиров говорит, что церковь, как царство не от мира сего, по самому своему существу неспособна производить какие-либо пертурбации в строе земных царств. Но это чепуха: церковь не способна производить пертурбации, но представители церковной власти весьма могут производить пертурбации: пример Никона, который весьма мог повториться... Если институт церковный, оказывающийся вредным для государственной власти, может быть упразднен без всякого вреда для церкви, то, конечно, государство имеет право упразднить его, а таким институтом было у нас патриаршество. Опасение Петра, что патриарх станет во главе недовольных его государственной реформой, было весьма основательно, и если бы это случилось (не при Петре, а после его смерти), то могло бы сопровождаться крайне печальными последствиями, так что нужно радоваться, что патриаршество было упразднено во время и без скандалов, с которыми оно могло бы быть упразднено потом.

В защиту петровской конфессиональной политики с позиций синодального официоза выступил чиновник канцелярии обер-прокурора Синода С. Г. Рункевич. В 1900 г. был опубликован первый том его «Истории Русской Церкви под управлением Св. Синода»: «Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода: 1721–1725». Труд С. Г. Рункевича не получил продолжения во многом из-за жесткой критики первого тома. Автор преследовал задачу доказать необходимость и оправданность церковной реформы, несмотря на ее сложность и неоднозначность. По его мнению, положение пореформенной церкви «было с исторической точки зрения естественным как возмездие со стороны государства за предшествующее вмешательство церкви в область государственной жизни».

После революции 1905–1907 гг., когда надежды на возможность созыва Собора и восстановления патриаршества ушли в прошлое, сошли на нет и острые дискуссии о значении петровской реформы. После 1917 г. церковно-историческая наука в России надолго прекратила существование.